

Надежда Мельник

Таинственный лес

«Автор»

2026

Мельник Н. Н.

Таинственный лес / Н. Н. Мельник — «Автор», 2026

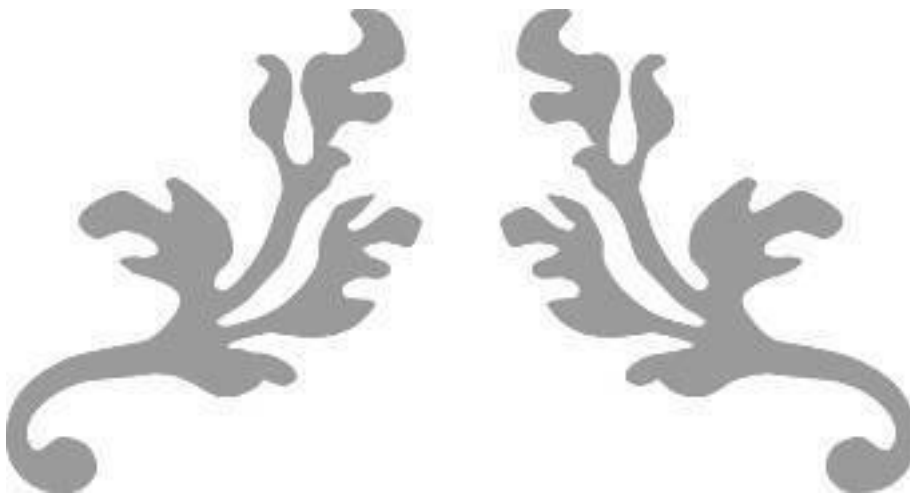
Таинственный лес. Психологические сказки Что, если обычная прогулка по лесу однажды превратится в настоящее приключение? Вместе с героями этих сказок юные читатели будут исследовать лесные тропинки, знакомиться с его обитателями, попадать в необычные ситуации и открывать для себя мир чувств и переживаний. Почему мы боимся неизвестного? Как понять свои эмоции? Что помогает нам доверять, замечать других и находить собственные ответы? Эти истории не предлагают готовых рецептов и не учат жить по правилам. Они приглашают фантазировать, сопереживать героям, задавать вопросы и смотреть на привычный мир немного иначе. Этот сборник родился в творческом диалоге человека и искусственного интеллекта — новом направлении сотворчества, в котором человек задаёт и развивает замысел, а ИИ помогает воплощать его в текст. Ведь иногда настоящее открытие начинается с простого любопытства — и одной тропинки, ведущей в таинственный лес.

© Мельник Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Мельник

Таинственный лес

Таинственный лес

Серия: психологические сказки для детей. Часть 1

15 октября 2026 г.
Надежда Мельник

Таинственный лес

Глава 1. Книга, которая открыла дверь

В тот вечер за окном шёл дождь. Не сильный, не шумный — такой, от которого темнеют стволы деревьев, на стекле появляются тонкие серебряные дорожки, а весь мир словно отодвигается куда-то далеко, оставляя наблюдателя наедине с тёплым светом лампы и собственными мыслями.

Настя сидела на кровати, поджав под себя ноги. Рядом устроилась мама, и между ними лежала старая книга с потёртой зелёной обложкой. На обложке был нарисован лес, не тот, который Настя видела за городом, где росли берёзы, прятались грибы и по осени пахло влажными листьями. Этот казался гораздо старше. Огромные деревья переплетались корнями, между камнями клубился туман, а в глубине рисунка мерцал свет.

— Мам, а эльфы правда существуют? — спросила Настя.

Мама улыбнулась.

— А ты как думаешь?

Настя нахмурилась. Она не любила, когда взрослые отвечали вопросом на вопрос. Особенно когда ей хотелось узнать что-нибудь по-настоящему важное.

— Я никогда не видела эльфов, но думаю, что они существуют.

— Вот это уже начало настоящего расследования, — сказала мама.

Настя довольно улыбнулась и перевернула страницу.

В книге рассказывалось о маленьких лесных существах, которые жили среди корней старых деревьев. Они знали, где весной появляются первые подснежники, умели различать следы зверей и могли по одному запаху понять, что ночью в лесу прошёл дождь.

Но больше всего Настю заинтересовала одна строчка:

«В Таинственный лес можно попасть только тогда, когда перестаёшь искать дорогу глазами и начинаешь замечать то, что раньше не замечал».

— Это как? — прошептала Настя.

— Может быть, речь о том, что ты умеешь замечать, — ответила мама. — Иногда мы так увлекаемся своими мыслями, что не замечаем того, что находится прямо перед нами.

Настя хотела возразить, что она-то как раз замечает всё. И когда старший брат берёт её карандаши, и когда кто-то смеётся не вовремя, и когда взрослые обещают что-то, а потом забывают. Особенно последнее.

Но она промолчала. Потому что вспомнила сегодняшнюю историю.

Днём одна девочка сказала, что Настя слишком много командует во время игры. Настя разозлилась, и ответила, что сама та ничего не умеет, и ушла. Потом весь вечер вспоминала этот разговор, сердясь снова и снова. И чем дольше вспоминала, тем сильнее ей казалось, что девочка испортила ей целый день.

— Мам, а почему люди говорят неприятные вещи? — спросила она.

Мама закрыла книгу, но палец оставила между страницами.

— Причины бывают разные. Иногда человек сердится. Иногда хочет привлечь внимание. Иногда действительно думает то, что говорит. А иногда мы понимаем его слова совсем не так, как он их задумал.

— Но, если мне неприятно, значит, она виновата! Я же тебе рассказывала.

Мама не стала спорить.

— Тебе действительно было неприятно. Это важно. Но давай оставим вопрос о виноватых на завтра. Сегодня уже поздно, и кому-то пора спать.

Настя посмотрела на рисунок леса. Ей вдруг показалось, что маленький огонёк между деревьями стал ярче. Настолько, что можно было решить: это просто отражение лампы. Настя зевнула, забралась под одеяло и попросила оставить книгу на тумбочке.

— А вдруг мне приснится этот лес?

— Тогда обязательно расскажешь мне утром.

Мама поцеловала её в лоб и выключила свет. Комната погрузилась в полумрак. Дождь постепенно стихал. Настя закрыла глаза. И почти сразу услышала звук.

Тук.

Пауза.

Тук-тук.

Будто кто-то маленький постучал по стеклу.

Настя открыла глаза. На подоконнике сидело насекомое — крупное, тёмное, с длинными усиками. Оно шевельнуло ими, словно прислушивалось к комнате, а затем исчезло в тени.

«Наверное, жук», — подумала Настя и снова закрыла глаза. И увидела тропинку.

Узкую, покрытую влажными листьями, она уходила между деревьями, чьи корни поднимались из земли, словно спины спящих великанов. Над мхом стелился туман. Ветви качались, хотя ветра не было. Настя стояла посреди леса босиком. Станным образом она совсем не боялась. Ей было любопытно.

— Ну и где же вы прячете своих эльфов? — спросила она вслух.

— А ты всегда разговариваешь с лесом так, будто он тебе что-то должен?

Голос раздался совсем рядом. Настя обернулась.

На корне старой ели сидела маленькая девочка. На ней было платье цвета молодых листьев, волосы были растрёпаны, а на щеке темнела полоска земли. Она сердито смотрела на Настю.

— Ты кто? — спросила Настя.

— А ты?

— Я первая спросила!

— А я первая здесь сидела!

Настя упёрла руки в бока.

— Ну и сиди дальше.

— Вот и буду!

Настя отвернулась, но почему-то не ушла. Из-за спины незнакомки выглядывали два прозрачных крылышка. На коленях лежал венок из мелких белых цветов, несколько из которых были смяты. Эльфийка. Настоящая.

Настя почувствовала, как внутри поднимается целая волна вопросов. Но, прежде чем она успела задать хотя бы один, эльфийка вдруг всхлипнула.

— Всё равно никто со мной не дружит, — пробормотала она.

Настя посмотрела на неё. Потом на пустую лесную тропинку. Потом опять на эльфийку.

— А ты со всеми дружишь?

Эльфийка резко подняла голову.

— Конечно! То есть... нет! То есть я дружу с теми, кто нормально себя ведёт!

— А кто решает, нормально они себя ведут или нет?

— Я! — выпалила эльфийка.

Настя открыла рот, чтобы ответить, но вдруг закрыла. Она узнала это чувство. Так, бывало, когда кто-нибудь говорил ей что-то неприятное и внутри словно зажигалась маленькая горячая лампочка. Сразу хотелось ответить. Причём так, чтобы последнее слово обязательно осталось за ней.

— А как тебя зовут? — спросила она вместо этого.

— Лили.

— Я Настя.

— Я знаю.

Настя удивилась.

— Откуда?

Лили замялась и отвернулась.

— Лес сказал.

— Лес умеет разговаривать?

— Не со всеми.

Настя нахмурилась.

— Это вообще-то не ответ.

— А я вообще-то не обязана отвечать!

Лили вскочила с корня и зашагала по тропинке.

Настя посмотрела ей вслед.

— Ты куда?

— Домой!
— А где твой дом?
— Не твоё дело!
— Тогда почему я должна идти за тобой?
Лили остановилась. Её прозрачные крылышки дрогнули.
— Не должна.
Она постояла ещё немного, потом медленно пошла дальше. Настя догнала её.
— Я не говорила, что не пойду. Я просто спросила.
— Вот именно! Все только и делают, что спрашивают, спорят и указывают мне, что делать!
— А ты всем отвечаешь, будто они уже успели тебя обидеть, — сказала Настя.

Лили замерла. Настя тоже остановилась. Они посмотрели друг на друга. Где-то высоко в ветвях послышался короткий, сухой звук: «тр-р-р-р».
— Кто это? — прошептала Настя.
— Рябчик, — ответила Лили. — Он там, за елью.
Настя прищурилась, пытаясь разглядеть птицу среди веток. Но увидела только движение тёмной тени и несколько качнувшихся листьев.

— А почему он не вылетает?

— Потому что рябчики не любят показываться всем подряд. Они умеют прятаться, когда чувствуют опасность.

Лили сказала это с такой уверенностью, что Настя улыбнулась.

— Ты многое знаешь о тех, кто не любит показываться.

— А ты многое знаешь о тех, кто слишком много разговаривает.

— Это ты сейчас про меня?

— А про кого же ещё?

Лили отвернулась. И они пошли дальше. Тропинка спускалась к небольшому ручью. Вода тихо журчала между корнями, огибала камни и уносила с собой жёлтые листья.

На берегу суетились рыжие лесные муравьи. Одни тащили сухую хвоинку, другие двигались по узкой дорожке, проложенной прямо между корней. Несколько муравьёв встретились, коснулись друг друга усиками и разбежались в разные стороны.

Лили остановилась.

— Вот! — сказала она так громко, что один муравей уронил свою хвоинку. — Вот именно поэтому я не люблю муравьёв!

— Почему?

— Они ужасно невежливые!

Настя присела на корточки.

— Что они сделали?

— Вчера я шла мимо муравейника и поздоровалась. А они даже не ответили!

Настя посмотрела на муравьёв.

— Может быть, они тебя не слышали?

— Я говорила громко!

— Может быть, они не умеют здороваться так, как мы.

— Значит, могли хотя бы остановиться!

— Но они работали.

Лили скрестила руки на груди.

— Ты их защищаешь?

— Нет. Я пытаюсь понять, что произошло.

— А я тебе уже рассказала!

Лили резко развернулась. Её крылышки задели папоротник, и с листьев посыпались капли воды. Настя почувствовала, как внутри у неё снова вспыхивает знакомая горячая лампочка. Ну и вредная же она! Почему нельзя просто спокойно поговорить? Настя уже приготовила ответ, но вдруг заметила, что сжимает кулаки.

Она разжала пальцы. Это было странное открытие: она ещё ничего не сказала, а уже сердилась.

— Знаешь, — произнесла Настя, — мне сейчас тоже захотелось на тебя накричать.

Лили удивлённо повернулась.

— На меня?

— Да. Потому что ты всё время думаешь, будто я хочу с тобой спорить. А я просто хочу разобраться.

Лили молчала. Муравьи тем временем снова подняли хвоинку и потащили её к муравейнику.

— Они даже не заметили, что мы разговариваем, — тихо сказала Лили.

— Похоже на то.

— А если бы заметили, всё равно не ответили бы.

— Возможно, — согласилась Настя. — Но ведь ты этого не знаешь.
Лили долго смотрела на муравьёв.
— А если я поздороваюсь ещё раз?
— Можешь попробовать.
Эльфийка наклонилась к дорожке.
— Здравствуйте!
Муравьи продолжили свой путь.

Лили выпрямилась. Её лицо стало таким несчастным, словно муравьи только что объявили ей войну.
— Вот видишь!
Настя посмотрела на маленьких тружеников, потом на Лили.
— А что ты сейчас почувствовала?
— Ничего!
— Совсем ничего?
— Ничего я не почувствовала! Они невоспитанные!
Настя задумалась.
— А мне кажется, ты разозлилась. И ещё тебе стало обидно.

Лили хотела возразить, но вдруг замолчала.

— Обидно? — переспросила она.

— Ну да. Ты хотела, чтобы они тебя заметили. Чтобы ответили. А они продолжили заниматься своими делами. Лили опустила глаза.

— Наверное...

Она помолчала.

— А ещё мне показалось, что я им неинтересна.

Настя посмотрела на неё внимательнее. Вот оно. Муравьи просто не ответили. А Лили услышала нечто гораздо большее: «Ты нам неинтересна».

— Но они же тебя не знают, — сказала Настя. — Как они могут решить, интересная ты или нет?

Лили не ответила. Впервые за всё утро она не придумала колкость. И Настя решила пока не задавать новых вопросов. Некоторые открытия, как она уже начинала понимать, нуждались в тишине. За ручьём лес стал гуще. Мох покрывал поваленные стволы, среди листьев белели грибы, а от влажной земли пахло прелой листвой и корой.

Вдруг прямо перед ними что-то зашуршало и из-под куста вышел маленький ёжик. Он остановился, вытянул влажный нос и принялся. Потом сделал несколько осторожных шагов к опавшему листу.

— Это всего лишь ёжик, — сказала Настя.

— Я знаю! — прошипела Лили из-за её плеча. — Я просто проверяла, умеешь ли ты защищать своих спутников!

— Конечно.

— И вообще, я не испугалась!

Ёжик фыркнул и свернулся в колючий шар. Настя присела рядом, не пытаясь его трогать.

— Смотри, он тоже испугался.

— Ему-то чего бояться? — возмутилась Лили. — Мы его не собирались обижать!

— Он этого не знает.

— Но мы же ничего плохого не сделали!

— А он пока не успел в этом убедиться.

Ёжик немного подождал. Затем осторожно высунул нос. Принялся ещё раз и неспешно направился к кустам. Лили смотрела ему вслед.

— Значит, он решил, что мы не опасны?

— Наверное, ему стало спокойнее. Но мы не можем точно знать, что он думает.

Лили помолчала.

— А я иногда тоже хочу свернуться в клубок, — неожиданно призналась она. — Когда кто-нибудь говорит, что я всё делаю неправильно.

Настя села на поваленное дерево.

— И что ты тогда делаешь?

— Сначала говорю, что они сами ничего не понимают. Потом кричу. Потом ухожу. А потом мне хочется, чтобы они пришли за мной и попросили прощения.

— Даже если ты сама сказала им что-нибудь обидное?

Лили насупилась.

— Ты опять начинаешь!

Настя вздохнула. Ей хотелось объяснить, что нельзя требовать от других одного и самому делать противоположное. Но Лили уже сердито топала ногой.

— Вот! Опять! Я тебе рассказываю, как мне плохо, а ты вместо того, чтобы меня пожалеть, задаёшь неприятные вопросы!

Настя почувствовала, как горячая лампочка внутри разгорается снова.

— А ты хочешь, чтобы я только соглашалась с тобой?!

— Да! Нет! Не знаю!

Лили отвернулась. На этот раз Настя тоже отвернулась. Они сидели по разные стороны поваленного дерева и молчали. Между ними шуршали листья. Где-то над головой стучал дятел. Настя смотрела на собственные ладони. Она всё ещё злилась. Но теперь знала, что это злость. И знала, отчего она появилась: ей казалось несправедливым, что Лили требует понимания, но не хочет слушать её саму. Значит, — подумала Настя, — можно злиться и при этом не обязательно сразу что-то говорить. Эта мысль ей понравилась. Не потому, что злость исчезла. Она никуда не исчезла. Просто теперь Настя не чувствовала, что обязана немедленно подчиниться этой эмоции.

Через некоторое время Лили тихо спросила:

— Ты всё ещё сердисься?

— Да.

Эльфийка подняла голову.

— И что теперь?

— Пока ничего. Я сижу и думаю.

— А ты не уйдёшь?

Настя посмотрела на неё. В этом вопросе вдруг прозвучало что-то совсем другое. Не злость. Не требование. Скорее тревога.

— Нет, — ответила она. — Но мне бы хотелось, чтобы ты тоже попробовала меня услышать.

Лили медленно кивнула.

— Я попробую.

И девочки снова пошли по тропинке. Над ними шумели старые ели. Между стволами мелькнуло что-то рыжее — то ли белка, то ли солнечный луч, случайно зацепившийся за ветку.

Глава 2. Паутина, в которой запутались слова

Лесная тропинка становилась всё уже. Сосны сменились старыми елями, их нижние ветви свисали почти до самой земли, а между корнями лежали подушки тёмно-зелёного мха. Иногда под ногами хрустели сухие ветки, иногда из-под листьев выскакивал крошечный паук и торопливо исчезал в траве. Лили шла впереди, слегка размахивая крылышками. Она уже не сердилась на Настю. По крайней мере, вслух. Но время от времени оглядывалась, словно проверяла, не передумала ли та идти с ней.

— А далеко твой дом? — спросила Настя.

— Не очень.

— Это сколько?

— Не очень много.

— Лили!

— Ну что?!

Настя остановилась.

— Я просто хочу знать, сколько нам идти.

— А я просто не хочу отвечать на каждый твой вопрос!

Лили резко развернулась и задела крылом ветку. С неё посыпались капли дождевой воды. Настя вытерла щеку.

— Теперь я мокрая.

— Ну и что? В лесу все мокрые!

— А ты могла бы предупредить!

— А ты могла бы смотреть, куда идёшь!

Они уставились друг на друга. Потом Настя вдруг рассмеялась. Не потому, что Лили сказала что-то смешное. Просто вся их ссора была до того похожа на предыдущие, что Настя

вдруг увидела её со стороны: две девочки посреди огромного леса спорят из-за нескольких капель воды. Лили нахмурилась ещё сильнее.

— Чего ты смеёшься?

— Не знаю. Мы опять ссоримся.

— Это ты начала!

— А ты продолжила.

Лили открыла рот. Потом закрыла.

— Вообще-то... — начала она и замолчала.

Настя улыбнулась.

— Пойдём?

Лили кивнула. И тут впереди между ветвями блеснула тонкая серебряная нить. Она тянулась от одного дерева к другому, переливаясь в косых лучах света. На ней дрожали крошечные капли воды. Чуть ниже висела ещё одна нить, потом третья, а дальше открывалась целая сеть, натянутая между папоротниками.

В самом центре сидел паук-крестовик. На его округлом брюшке белел рисунок, похожий на маленький крест.

— Не трогай паутину, — прошептала Лили. — Её хозяйка ужасно не любит, когда ей мешают.

— Откуда ты знаешь?

— Я однажды задела её крылом.

— И что случилось?

— Она сказала, что я разрушила её работу.

Настя посмотрела на паутину. Одна из нитей действительно обрывалась у самого края.

— И что ты сделала?

— Сказала, что она могла бы повесить свою паутину в другом месте!

— А она?

— Сказала, что лес не принадлежит мне.

— А потом?

— Потом я сказала...

— Дай угадаю, — Настя прищурилась. — Что она сама виновата?

Лили возмущённо всплеснула руками.

— Откуда ты знаешь?!

— Потому что ты всегда так говоришь.

— Неправда!

Но на этот раз Лили не выглядела по-настоящему сердитой. Скорее удивлённой. Паук тем временем осторожно перебрался на целую нить и принялся проверять свою ловушку. Настя присела неподалёку.

— Здравствуйте. Мы не будем трогать вашу паутину.

Паук не ответил. Он вообще не был обязан разговаривать с незнакомыми девочками.

— Видишь? — прошептала Лили. — Опять никто не отвечает.

— Лили, это паук.

— И что?

— Может быть, у него сейчас дела.

— У всех дела! А у меня, значит, дел нет?!

Настя хотела сказать, что паук занят совершенно конкретной работой: ему нужно было поддерживать паутину в порядке и ловить добычу. Но заметила, как изменилось лицо Лили. Та смотрела не на паука. Она смотрела на тонкие нити, протянутые между деревьями.

— Знаешь, что самое ужасное? — тихо спросила эльфийка.

— Что?

— Когда кто-нибудь говорит тебе что-то неприятное, ты потом всё время это вспоминаешь.

Настя задумалась.

— Иногда.

— А я вспоминаю даже тогда, когда не хочу. Вот паучиха сказала, что я безответственная. И теперь, когда я вижу её паутину, мне кажется, будто она опять на меня сердится.

— Но сейчас она ничего тебе не сказала.

— Я знаю!

Настя замолчала. Вот это она понимала. Бывало, что неприятный разговор давно заканчивался, а внутри продолжал звучать. Можно было играть, рисовать, есть любимое печенье — и вдруг снова вспоминать чужие слова. И снова сердиться. И снова придумывать, что надо было ответить.

— Может быть, ты вспоминаешь не только её слова? — осторожно спросила Настя. — Может быть, ты ещё вспоминаешь, что ты почувствовала в тот момент?

Лили посмотрела на неё.

— А разве это не одно и то же?

— Не знаю. Наверное, нет.

Настя сорвала с рукава сухую травинку и покрутила её в пальцах.

— Смотри. Есть то, что паучиха сказала. А есть то, что ты почувствовала, когда услышала.

— Я почувствовала, что она злая!

— Это ты решила про неё. А что почувствовала про себя?

Лили нахмурилась.

Она долго молчала, разглядывая свои туфельки, перепачканные лесной землёй.

— Что я ей не нравлюсь, — наконец произнесла она.

— А ещё?

— Что она считает меня глупой.

— Она так сказала?

— Нет.

— А что она сказала?

Лили тяжело вздохнула.

— Что я безответственная.

Настя кивнула.

— Вот. Теперь у нас есть две разные вещи. Она сказала, что ты безответственная. А ты подумала, что ты ей не нравишься и что она считает тебя глупой.

— Но почему она тогда сказала это так сердито?!

— Может быть, потому что ты порвала её паутину. А может быть, она сама была расстроена. Я не знаю. Ты тоже пока не знаешь.

Лили посмотрела на паутину. На одной из нитей дрогнула капля воды, медленно скатилась вниз и упала на лист папоротника.

— Значит, я могла ошибиться?

— Могла.

— И ты тоже можешь ошибиться?

— Конечно!

Лили подозрительно прищурилась.

— Даже когда уверена?

— Особенно когда очень уверена, — ответила Настя.

И тут обе девочки рассмеялись. Паук, не обращая на них внимания, продолжал работать. Он не знал, что две маленькие путешественницы только что обнаружили нечто важное: иногда между чужими словами и нашими чувствами натягивается невидимая паутина. В неё попадают воспоминания, догадки, страхи и ожидания. И чем сильнее мы дёргаемся, тем крепче запутываемся.

Но паутина — не весь лес. И одна неприятная фраза — ничего не говорит о тебе.

Они пошли дальше. Солнце уже поднялось выше, и лес постепенно наполнялся звуками. Где-то постукивал дятел, в сухой листве шуршала мышь-полёвка, а над поляной жужжал крупный шмель. Он тяжело перелетал с цветка на цветок, выбирая те, где ещё оставалось достаточно нектара. Лили остановилась и проследила за ним взглядом.

— Вот шмели мне нравятся, — сказала она.

— Почему?

— Они никого не слушают. Летают куда хотят.

— Может быть, они просто заняты своими делами.

— А это не одно и то же?

Настя улыбнулась.

— Не совсем.

Шмель опустился на цветок клевера. Его мохнатое тело покачнулось, когда он забирался глубже между лепестками.

— А если кто-нибудь скажет ему, что он плохо летает? — спросила Лили.

— Шмель, наверное, продолжит собирать нектар.

— А если скажет, что он некрасивый?

— Тоже.

— А если скажет, что он никому не нужен?

Настя посмотрела на неё.

— Лили, а почему ты всё время придумываешь, что кто-нибудь обязательно скажет что-то плохое?

Эльфийка перестала улыбаться.

Вопрос повис между ними, словно тонкая нить паутины.

— Потому что... — начала она.

Потом замолчала. Шмель перелетел на соседний цветок.

— Потому что, если я заранее знаю, что обо мне подумают плохо, — наконец произнесла Лили, — я хотя бы не удивлюсь.

Настя ничего не ответила. Теперь она поняла: Лили не просто сердится на окружающих. Она словно всё время ждёт, что её отвергнут. И иногда сама начинает ссору раньше, чем кто-либо успевает сделать ей что-то неприятное. Но почему она так боится? Это предстояло узнать.

Впереди, за зарослями орешника, вдруг послышался шорох. На тропинку вышел оленёнок. Он остановился, поднял голову и внимательно посмотрел на девочек.

Лили замерла.

— Не двигайся, — прошептала она.

Настя затаила дыхание. Оленёнок постоял ещё немного, затем легко перескочил через лежащую ветку и скрылся в густом подлеске.

— Какой красивый, — прошептала Настя.

— Он нас испугался, — сказала Лили.

— Может быть. Мы же не знаем наверняка.

Эльфийка посмотрела туда, где исчез оленёнок.

— Знаешь, Настя... Иногда мне кажется, что я похожа на него. Только он убегает в лес, когда ему страшно. А я начинаю кричать.

Настя взяла её за руку.

— А может быть, ты пока просто не научилась понимать, что именно тебя пугает.

Лили ничего не ответила. Но руку не отпустила. А лес впереди становился всё темнее. Между стволами старых деревьев уже виднелась поляна, над которой кружились белые бабочки. В самом её центре возвышался огромный дуб, а у его корней лежало что-то похожее на маленькую деревянную дверь.

Глава 3. Дом под старым дубом

Старый дуб возвышался над остальными деревьями, словно лесной великан, который прожил столько лет, что давно перестал удивляться человеческим и эльфийским причудам. Его ствол был шире комнаты, а толстые корни уходили в землю и снова появлялись на поверхности, образуя причудливые арки. Между двумя корнями действительно виднелась маленькая деревянная дверь. Она была украшена сухими желудями, шишками и тонкими полосками бересты. Над дверью висел колокольчик из пустой раковины улитки. Но самое удивительное находилось рядом.

Вокруг дуба росли папоротники, на листьях блестели капли воды, а над поляной летали белые бабочки. Одна из них села Насте на рукав, сложила крылышки и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.